

А.Е. Пузровский

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КРЫМСКОЙ СКИФИИ (II В. ДО Н. Э. - III В. Н. Э.)¹

Крымский полуостров с древнейших времен в силу своего географического положения являлся территорией, через которую осуществлялись миграции и культурно-хозяйственные связи между населением Карпато-Балканского региона, Северного Причерноморья и Кавказа. Многие сходявшие с исторической арены народы, оказываясь в Крыму, продолжали свое развитие в новых условиях. Взаимоотношения аборигенного и пришлого населения складывались неодинаково. Ассимиляционные процессы сменялись интеграционными и наоборот. В ходе синтеза этнического субстрата (аборигенного населения) и суперстрата (пришлого) часто возникали новые этносы.

Реконструкция этнополитических процессов в Крыму в позднеантистическое и римское время невозможна без учета тех изменений, которые происходили на обширных степных пространствах Евразии, а также в лесостепной зоне Северного Причерноморья и Центральной Европе. Подвижки населения, перемещение племен на многие сотни километров были обычным явлением, что отразилось и на этнической карте Крымской Скифии².

Построение этногеографической модели Таврики на основании только письменных источников затруднительно, поскольку сведения в них отрывочны и зачастую носят компилятивный характер, экстраполируя знания более ранних авторов. Наиболее достоверными информаторами по интересующей нас теме являются: Страбон, Плиний, Мела, Арриан, Птолемей. Отдельные сведения об этнополитической ситуации на полуострове содержатся в трудах Полибия, Алпиана, Мемнона, Тацита, Иосифа Флавия, Дионисия, Диона Кассия, Лукиана, Плутарха, Помпеля Трога и др.³

Тавры. Скифы. Тавроскифы. Знания позднеантичных авторов о древнем населении Крыма - таврах - основаны, как правило, на ранней традиции⁴. Термин «тавры» часто использовался как собирательный, обозначающий жителей всего полуострова либо его горной части⁵. В римское время под ним нередко подразумевались пираты, этническая принадлежность которых не всегда была связана с Крымом⁶. Традиционны также сведения о разделении

массива тавров-горцев на множество племен и царств (Plin, NH, IV, 85; Appm, Marc. XXII, 8, 33). Реальность употребления этнонима подтверждается документами Боспора I-II вв. н. э. (КБН, № 39, 40) и херсонесскими надгробными надписями: I в. н. э. с упоминанием жены-тавричанки (IOSPE, P, 528) и II в. н. э. - посвященной двум отпущенникам, убитым таврами (ЛНХТ, № 13)⁷. Название «Таврика» в рассматриваемое время распространялось на весь полуостров (IOSPE, P, 357, 359, 362, 364, 365, 368; НЭПХ, 3 и др.) либо (в более узком понимании «страна») - на весь Горный Крым (КБН, 1237).

Этнокон «скифы» упоминается в источниках до III-IV вв. н. э., однако такие авторитетные авторы как Плиний, Мела, Птолемей прямо о скифах в Крыму не говорят⁸, что может свидетельствовать о серьезных изменениях на этнополитической карте полуострова в I в. н. э. В рассматриваемое время широко употребляются термины «тавро-скифы» и «скифо-тавры». Помимо географического оттенка («таврические скифы», «скифский народ тавры»), они отражают этническое смешение народов и их культурную нивелировку⁹.

Дионисий (Периетет), писавший свой труд при Адриане, помещает «тавров» на крутом, узком и длинном Беге Ахилла до устья Меотийского озера (Dio Perieg., 298-320, 303, 306), ему же вторит Евстафий (XII в.) в своих «Комментариях» (Eust. Schol. ad Dio Perieg., 303-306), а в хрестоматии из «Географии» Страбона (X в.) полуостров Тавроскифия локализован между Тамирским и Каркинитским заливами, к югу от которого находится Ахиллов Бег. Обычно эти сведения трактуются как ошибка¹⁰. Однако, Птолемей также размещает тавро-скифов в окрестностях Ахиллова Бега (III, 5, 11, 25; X, 5, 2), а сообщение Плиния о проживании в районе Ахиллова Дрома скифов-сардов и сираков (IV, 83) позволяет именно в них видеть «тавроскифов», напавших во II в. н. э. на Ольвию¹¹. Возможно, именно скифы-сарды¹² и сираки¹³ скрываются под «соседними», «скифскими» и «сарматскими» царями (IOSPE, P, 39, [51], 54).

Сатархи. Тафрии. Таурики. Скифы-сатарки. Сатархов, локализованных

Помпием Мелой в Крымском Присивашье (II, 2-4), Плиний называет среди сарматских племен, перешедших Танаис и вторгшихся в Скифию (VI, 22, 23). Из надписи, найденной на Неаполе, известно, что Посидей, сын Посидея одержал победу над «пиратствующими сатархеями» (IOSPE, P, 672), деятельность которых, по-видимому, серьезно угрожала мореплаванию. Это событие датруется не позднее 40-х гг. II в. до н. э. - временем деятельности Посидея в Неаполе. Большинство исследователей вслед за античными авторами локализует сатархов в Северном Крыму¹⁴, однако в вопросе их этнической атрибуции единства нет¹⁵. Проанализировав огромный источниковедческий материал, Ю.М. Десятчиков пришел к выводу о тождестве сатархов и тохаров (юечжей), выводя их название от североиранских корней: «сильные, господствующие», «царские»¹⁶. Заслуживает внимания также сообщение Солина (49, 5 - 7) о сатархах как части сакского племенного объединения, граничившего с персидскими владениями в Средней Азии. Ряд исследователей склонны связывать события второй четверти - середины II в. до н. э., произошедшие в центральноазиатском и среднеазиатском регионе, с появлением первой «сарматской» (юечжийско-массагетской) волны в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе¹⁷. Возможно, именно сатархи участвовали в разгроме Таманского толоса в середине II в. до н. э.¹⁸ и скифской царской ставки в Неаполе¹⁹.

В вопросе о сатархах и их локализации фигурирует еще несколько этнонимов: «тафрии» (Strabo, VII, 3, 19), «скифы-сатарки»²⁰ (Plin., NH, IV, 85), «таврики» (Mela, II, 3, 4). Тафрии, как следует из источников, жители местности Тафра («рвы»). Современные исследователи считают их потомками аборигенного населения Крыма, ассимилированного скифами, а затем смешавшихся с сатархами²¹. Район проживания тафриев совпадает с территорией, занятой сатархами (Перекоп, Северное Присивашье). На перешейке находился и город Тафра (Plin., NH, IV, 85). Скифы-сатарки (сатарки), упомянутые Плинием, также считаются этнически близкими к сатархам и локализуются к востоку от Крымских гор (Plin., NH, IV, 85). Сдвоенный этноним, по мнению В.С. Ольховского, может указывать на кочевой образ жизни этого народа²². Локализация «тафриков» Мелой вместе с сатархами в Северном Крыму (II, 4) позволяет видеть

в них «тафриев» Страбона, а указание на проживание их рядом с Боспором, у морского побережья (II, 3) - «скифо-тавров» Плиния²³.

В описании Таврики Плинием (IV, 85) есть сведения о том, что она населена тридцатью народами, из них двадцать три проживали внутри страны. В горных или предгорных районах было шесть городов: Оргрокины, Харакены, Ассираны, Стактары, Акисалиты, Калиорды. Стактары обычно сопоставляют с Сатархой Птолемея (III, 6, 2) и размещают вблизи современного Бахчисарая либо на Неаполе Скифском²⁴. Однако достаточных оснований для подобного отождествления не имеется, как, впрочем, и для локализации остальных пяти пунктов²⁵.

Роксоланы. Этногеография северопрichernоморских степей претерпевает значительные изменения в конце II - первой половине I в. до н. э., что связано с дальнейшим продвижением кочевых племен на запад. Декрет в честь Диофанта (IOSPE, P, 352) и Страбон (VII, 3, 7) называют союзников скифов в борьбе с херсонесско-понтийскими войсками - роксоланов («ревксиналов»). Этот кочевой народ «скифского племени» (Strabo, II, 5, 7) занимал равнины между Танаисом и Борисфеном, т. е. степи у Перекопа, Сиваша и Азовского моря. Зимовки роксоланов также, вероятно всевозможные, располагались в Присивашье (Strabo, VII, 4, 1). Именно зимой роксоланы под предводительством Тасия пришли на помощь Палаку (VII, 3, 17). Большинство их в решающей битве погибло. Д.А. Мачинский, специально рассматривший этногеографию восточноевропейских степей в эпоху позднего эллинизма и раннеримский период, называет роксоланов передовой группой аланского этнического массива, связанного по происхождению с массагетами. Отрицая принадлежность роксоланов к сарматам, он указывает, в частности на то, что те, в отличие от времен Амаги и Гатала, выступали не как традиционные союзники Херсонеса и понтийских царей, а как их противники. Им же отмечено, что херсонеситы - современники походов Диофанта стали знакомы с этим народом незадолго до указанных событий, о чем свидетельствует искаженная транскрипция имени («ревксиналы»), а источник (декрет) не называет роксоланов сарматами, хотя этот этноним был, безусловно, уже знаком в античном мире²⁶. По-видимому, роксоланы появились в днепровских степях не ранее 20-х гг. II в. до н.э. и вытеснили обитавших здесь са-

тархов в Крым, а также к западу от Днепра, где последние, возможно, были известны Страбону (VII, 3, 15 - 16) под именем ургов²⁷. Спустя значительный промежуток времени имя роксоланов появляется в элгии Т. Плавтия Сильвана (CIL, XIV, 3608) и сочинениях авторов, повествующих о столкновениях римлян с ними в 60-е гг. I в. н. э. в Подунавье (Tac. Hist., I, 79; Ios. Flav., De bell. Jud., VII, 4, 3)²⁸, где те локализируются и позже (Plin, IV, 80; Ptol. III, 5, 7).

Скифы. Сарматы. Аланы. Начиная со Страбона термин "скифы" приобретает этнографически-географическое значение, часто им обозначались различные по происхождению народы Северного Причерноморья, преимущественно кочевники²⁹, однако, упоминание скифов в эпиграфических документах (IOSPE, I², 32, [51], 352, 353; КБН, №№ 32, 33, 39, 40, 1237; CIL, XIV, 3608; RGDA, 31,2) показывает, что современники событий достаточно четко отличали их от тавров, сарматов, роксолан и др.³⁰

О наличии постоянных сарматских контингентов в Крыму исторических сведений немного, хотя их присутствие не вызывает сомнений³¹. Наиболее ранним свидетельством о пребывании сарматов на полуострове является новелла Полиена об Амаге (Pol. VIII, 56). В 179 г. до н. э. был подписан мирный договор понтийских государств и правителей, в число которых вошли Херсонес и сарматский царь Гатал³². В том же году Херсонес заключил договор о дружбе с царем Понта - Фарнаком I (IOSPE, I², 402). Можно предположить, что гарантом этих договоренностей были сарматы, выполнившие свой союзнический долг по отношению к Херсонесу, о чем красноречиво повествует Полиен. Несмотря на известный скепсис по поводу использования данного источника³³, изложенные в новелле сведения столь подробны и схожи с исторической ситуацией первой четверти II в. до н. э., что позволили локализовать объект нападения сарматов (скифскую царскую ставку) на Неаполе (Керменчике) и связать с ним один из пожаров³⁴. Ю.П. Зайцев, основываясь на новых материалах, пересмотрел дату пожаров на участке главной городской площади³⁵, однако это не снимает вероятности датировки похода "сарматов Амаги" временем, очень близким к заключению договора 179 г. до н. э.³⁶

Новые передвижения ираноязычных кочевников в евразийских степях, произошедшие после падения Греко-Бактрийско-

го царства должны были серьезно повлиять на расстановку сил в Северном Причерноморье. В конце II в. до н. э. на Азиатском Боспоре увеличивается количество сарматских погребальных памятников, в т.ч. в некрополях греческих городов³⁷. На месте разрушенного Таманского городка в 20-е гг. до н. э. возводится крепость, внутри которой находилась резиденция варварского правителя и административный центр области аспургиан (Strabo, XI, 2, 11), сыгравших большую роль в политической жизни Боспора. Вопрос об этнической принадлежности аспургиан во многом продолжает оставаться дискуссионным³⁸, однако этимология названия восходит к иранским корням ("мошноконные")³⁹. Погребальные памятники Азиатского Боспора последних десятилетий II - начала I в. до н. э. свидетельствуют о значительной сарматизации синдо-меотской знати и ее связях со среднеазиатскими кочевниками⁴⁰.

В херсонесском декрете о взятии Калос Лимена (IOSPE, I², 353, стк. 2) М.И. Ростовцев восстанавливал в одном контексте со скифами имя сарматов (сарроматов), под которыми он понимал ревксианалов (роксоланов) декрета в честь Диофанта (IOSPE, I², 352, стк. 23)⁴¹, чему противоречит тот факт, что обе надписи были изготовлены в один год, одним мастером и, скорее всего, выставлены в одном месте⁴². В интересующем нас тексте по двум первым буквам и остаткам третьей можно восстановить имя сатархов, локализуемых в Северном Крыму (см. выше), однако в этом случае следует предполагать политическую переориентацию скифских правителей и создание широкой антимитридовской коалиции из варварских племен.

Затем более полувека сарматах в Крыму источники не упоминают. Лишь Аппиан сообщает об их участии в войне Фарнака с Асандром за Феодосию и Пантикапей (App. Mith., 120). В одном из херсонесских декретов (IOSPE, I², 355) содержатся сведения об острой политической борьбе, в результате которой власть в городе перешла к тирану, опирающемуся на внешние силы (варваров?). После изгнания, тиран был вскоре вновь призван в город и двинулся против него с многочисленным войском⁴³. По поводу датировки документа существуют разногласия, однако В.И. Кадеев относит его к достаточно узкому промежутку времени - 29-23 гг. до н. э.⁴⁴. Сопоставляя декрет и данные Константина Барянородного (Const. Porf. De

adm. imp., 53)⁴⁵, можно предположить, что этим тираном был ставленник Асандра, а упоминание варваров и войска - военно-политический союз Асандра и правителей Крымской Скифии, имевший антихерсонесскую направленность. Хотя текст декрета не содержит сведений об этнической принадлежности "многочисленного войска", скорее всего, это были сарматы вместе с окрестными "тавроскифами"⁴⁶.

Почетный херсонесский декрет (IOSPE, P, 369), который обычно связывают с деятельностью Т. Плавтия Сильвана⁴⁷, перечисляет врагов, напавших на хору. В чтении и дополнении М.И. Ростовцева этот отрывок выглядит так: "... (скифов) и сарматов и (их союзников)⁴⁸. В последних Э.И. Соломоник видит тавров, что маловероятно, поскольку, как она сама отмечает, речь идет о нападении (налете) большого конного войска⁴⁹.

Возможно, с активизацией скифо-сарматов связан на рубеже 20-х — 30-х гг. II в. ввод на короткое время в Херсонес и Харакс ограниченных контингентов римских войск⁵⁰. Однако, уже в 30-х гг. Херсонес подвергается нападению варваров, о чем повествует надпись, обнаруженная в 1968 г.⁵¹ В них опять следует видеть прежде всего сармато-аланские контингенты.

Издатели херсонесских декретов в честь Т. Аврелия Кальпурния Аполлонида и его жены Паулины, датированных 174 г. н. э., полагают, что в это время Херсонесу со стороны варварского окружения (прежде всего - крымских скифов и сарматов) угрожала опасность, которую ликвидировал прибывший прокуратор провинции Нижняя Мезия⁵². Ю.Г. Виноградов считает, что четвертый явился в город во главе военного отряда⁵³. Исследователи недавно найденного храма Юпитера Долихена в Балаклаве предполагают, что разрушение этой культовой постройки, как и самого римского военного опорного пункта, связано с активизацией варваров во время Сарматской войны, т. е. незадолго до издания декрета 174 г. н. э.⁵⁴.

Под названием "скифы" у некоторых авторов первых вв. н. э. (Ios. Flav., De bell. Jud., VII, 7, 4; Luc. Tox., 51; Arr. Acies contra Alanos; Dio Cass., LVIII, 26; Ep., LXXV, 3; LXXVIII, 5, 4) подразумевались аланы. Не исключено, что некоторое противопоставление "скифов" и аланов связано с наличием в Северном Причерноморье двух группировок кочевников восточного происхождения⁵⁵. Римские историки III-IV вв. часто подменяли понятия "ски-

фы" и "готы", однако под "скифами" они понимали всех варваров к северу от Дуная, без конкретизации этнической принадлежности. Не случайно эта территория в сочинениях IV-V вв. называется то Скифией, то Сарматией, то Готией⁵⁶. Среди "скифов", вероятно, было немало алан, что подтверждается, в частности, их участием в войне с Римом и битве под Филиппополем в 242 г. (Iul. Capr. Gord., III, 43)⁵⁷.

Палы. Напы. Существование в Крымской Скифии двух населенных пунктов - Палакия (Strabo, VII, 4, 7) и Напита (Steph. Byz., s.v. Navpis; НЭПХ, № 1) часто связывают с одной из скифских генеалогических легенд: о братьях Пале и Напе, по имени которых назывались народы - "палы" и "напы" (Dio., II, 43, Plin., VI, 50)⁵⁸. Этот вопрос неотделим от сложной и запутанной проблемы локализации скифских крепостей и других пунктов, упомянутых Страбонам при описании кампани Днофанта⁵⁹, поэтому для нас важен только один вывод: свидетельства Страбона, Плиния, Диодора, Стефана Византийского, эпиграфические источники подтверждают и дополняют друг друга. Исходя из этого, можно в самой осторожной форме предположить, что сатархи-спален (Plin., VI, 23), перешедшие Танаис вместе с другими кочевыми племенами - это и есть "палы". Развернувшаяся между "палами" и "напами" война (Plin., VI, 50) отражает, вероятно, реальное противостояние двух кочевнических группировок⁶⁰, а победившая сторона заняла господствующее положение в Северном Причерноморье. Имя напеев сохранилось среди названий "тавро-ских" племен у Аммиана Марцеллина (Amm. Marc., XXII, 8, 33), а сатархи-спален под именем спалов, проживали у Метиды (Крымское Присырьше?) до их разгрома готами (Iord., Gética, 28, 38, 39)⁶¹.

Георги. Страбон сообщает еще об одном народе, занимавшем равнинную часть полуострова - георгах (VII, 4, 6). Большинство исследователей видели в них осевших на землю скифов⁶². По Е.А. Мелеву, георги - это зависимые земледельцы из числа обедневших скифов-кочевников⁶³. Другую версию предложил В.С. Ольховский. Он отметил, что Страбон, говоря о населении Крыма, не упоминает сатархов, хотя называет тафриев, а также повествует об участии георгов в морском разбое и зависимости их от номадов. Все это позволяет, по его мнению, отождествить георгов Страбона и сатархов Плиния и Мелы, тем более, что совпадает и территория их расселения⁶⁴.

При рассмотрении данного вопроса нет прямых оснований сравнивать георгов Страбона и скифов-георгов Геродота (VI, 18), поскольку имя последних появилось, вероятно, в результате адаптации греками их самоназвания и отражает хозяйственную деятельность лишь какой-то отдельной части этих племен, входивших в контакт с эллинами⁶⁵. Однако не исключено, что перенос этого названия Страбонам на земледельцев равнинного Крыма указывает на связь его обитателей с населением Нижнего Днепра, где локализируются геродотовские скифы-георги⁶⁶. Не вносит ясность и сообщение Плиния (IV, 83) о реке Пантикапе, разграничивающей владения георгов и номадов. Следует особо подчеркнуть, что этническая характеристика георгов для Страбона оставалась неясной, однако направленность хозяйственной деятельности, близость к морскому побережью, а также зависимость от номадов позволяют локализовать их в Северо-Западном Крыму, где есть памятники оседло-земледельческого населения I в. до н.э. - I в.н.э.

Анализ археологических материалов, проведенный в последние годы, позволяет в новом ракурсе рассмотреть вопросы этнического состава населения Крымской Скифии, выявить динамику этнокультурных взаимодействий⁶⁷.

Скифы. Доминировавшие в работах прежних лет положения о преобладании скифского этноса на всех этапах развития полиэтничного объединения племен в Крыму являются ошибочными. Начиная со второй трети - середины III в. до н.э., прекращаются скифские захоронения в степных курганах. В этот же период замирает жизнь на многих неукрепленных поселениях в предгорьях со смешанным скифо-кизиль-кобинским составом населения (Керменчик, Кермен-Кыр, Булганакское, Змеиное, Вишенное и др.), о чем свидетельствуют данные керамической эпиграфики⁶⁸. Вероятно, какая-то часть прежнего оседлого населения сохранилась в предгорных районах, однако археологически этот горизонт на поселениях не фиксируется, а в исследованных каменных подкурганных сооружениях предгорной группы с большим количеством костяков нет погребений с надежным датировочным материалом второй половины III в. до н.э.⁶⁹ или отсутствует полевая документация, а находки утеряны⁷⁰. Это затрудняет определение времени возникновения гробниц, поскольку в них есть вещи более раннего хронологического этапа⁷¹.

Схожая ситуация сложилась во всем северопричерноморском регионе⁷². Эти синхронные, по мнению А.Н. Щеглова, события следует связывать с сарматским опустошением Скифии⁷³. Виновиниками гибели поселений херсонесской хоры Ю.Г. Виноградов и А.Н. Щеглов считают либо сарматов, либо теснимых ими скифов⁷⁴. М.И. Золотарев и Е.Я. Туровский склоняются к последнему предположению⁷⁵.

Такая трактовка событий противоречит имеющимся данным о мирном сосуществовании скифских племен с античными полисами, что объясняется экономическими причинами. На хоре Херсонеса, Боспора, Ольвии проживало значительное количество варварского населения⁷⁶. Если принять точку зрения о перемещении в Крым кочевых скифов, теснимых сарматами, то следовало бы ожидать численного увеличения скифских памятников. Однако, реальная ситуация была прямо противоположной⁷⁷. С.В. Полин связывает упадок Скифии не с военными действиями, а с изменениями внутри хозяйственно-культурного типа и ухудшением климатических условий в обширной зоне степных пространств⁷⁸. Такой вариант решения вопроса, однако, не объясняет внезапной гибели многих античных памятников и прекращения скифских захоронений в курганах, что свидетельствует о резкой смене демографической ситуации.

Указанные события, вероятно, были обусловлены совокупностью факторов: 1) внутренними изменениями в хозяйственно-культурном типе скифских племен⁷⁹, 2) грабительскими набегами сарматов-сарматов и установлением их политического господства без занятия территории⁸⁰, 3) изменением климатических условий⁸¹, 4) нерациональным использованием земельных ресурсов⁸².

Поскольку наиболее ранние объекты позднескифской культуры в Крыму датируются концом III - началом II в. до н.э., из этого следует, что между ними и скифскими степными памятниками конца IV - начала III вв. до н.э. нет прямой преемственности⁸³. Можно лишь предполагать, что носителями скифского этноса в Северном Причерноморье в эпоху эллинистическое время выступают остатки кочевой аристократии, а также анклав в Подунавье, Приднестровье и Побужье, на существование которых указывают преимущественно исторические, эпиграфические и нумизматические источники⁸⁴. Нельзя исключить, что в степных и глубинных гор-

ных районах Крымского полуострова также сохранились группы скифских полукочевых племен, однако численность их вряд ли была велика.

Некоторые детали погребального обряда поздних скифов (использование каменных гробниц, асигхронность захоронений, наличие в инвентаре колчаных крюков, портупейно-поясных наборов, лепных курьлиц) свидетельствуют о проникновении населения из Восточного Крыма, Предкавказья, Среднего и Нижнего Дона. Однако эти локальные области в V-III вв. до н.э. были довольно специфичны по материальной культуре, обряду погребений, антропологической характеристике⁸⁵, поэтому их связь с причерноморскими степными скифами весьма условна.

Со скифским этносом в Крыму можно соотносить основные подкурганые каменные сооружения с многократными захоронениями, а также земляные склепы-катакомбы в грунтовых могильниках с погребениями II-I вв. до н.э. - первой половины I в.н.э. Разница в планировке камер (овальная, прямоугольная, квадратная, трапещевидная) и оформлении входа может указывать на различную племенную принадлежность похороненных в них людей. П.Н. Шульц считал, что старые скифские традиции прослеживаются в архитектуре мавзолея Неаполя⁸⁶. В погребальном обряде в ряде случаев западная ориентировка может служить ориентиром при скифской атрибуции захоронения, равно как и обычай помещать напутственную мясную пищу на дно могилы. В позднелегистическое время для мужских захоронений характерны наконечники копий, железные втульчатые наконечники стрел, колчаные крюки и портупейно-поясные наборы, наконечники пояса. В женских захоронениях типичны украшения латенской эпохи: браслеты (многовитковые, с завязанными концами, с утолщениями), перстни со спиральным завитком на штифте, фибулы среднелатенской схемы, гончарные флаконы, глазчатые и полихромные бусы.

Сопоставление антропологических данных крымских скифов (Неаполь) и кочевников Нижнего Приднепровья показало, что последние имели значительно большие размеры черепа. Определенную "грацильность" неапольских черепов Т.С. Кондукторова объясняет примесью средиземноморского элемента, а более округлую форму мозговой коробки - связями с сарматами и таврами⁸⁷. Из этого следует, что ан-

тропологический тип крымских скифов формировался в процессе взаимодействия с фракийским и греческим населением (южные европеиды), а также аборигенными племенами (скифо-кизил-кобинцы) и сарматскими группами.

Тавры. Контакты кочевых скифов с аборигенным населением полуострова происходили на протяжении нескольких столетий⁸⁸. Уже в архаическую эпоху существовали подкурганые захоронения с западной ориентировкой и элементами скорченности покойных, лощеной керамикой и изделиями из кремня в инвентаре. Эти черты указывают на появление культуры смешанного скифо-кизил-кобинского типа⁸⁹. В V-IV вв. до н.э. в процессе взаимовлияния указанных этносов продолжалось формирование единой общности, хотя в этот период, в целом, усиливается проникновение степных скифов из-за Перекопа и с востока (Азиатский Боспор, Прикубанье), принесших с собой характерные черты погребальной обрядности. В это же время появляются грунтовые могильники с асинхронными (разновременными) захоронениями (Фронтное, Золотое), что свидетельствует об оседлом характере жизни населения. Археологические материалы показывают, что кизил-кобинская культура прекратила свое существование не позднее первой половины III в. до н.э.⁹⁰ Находки более позднего времени на поселениях единичны. Процесс смешения кочевых и аборигенных земледельческих племен в Крыму происходил наиболее активно в IV-начале III вв. до н.э. Памятники тавров позднелегистического и римского времени в Горном Крыму неизвестны⁹¹. Антропологические данные свидетельствуют о возможном участии тавров в формировании физического типа крымских скифов. Однако следует учитывать, что между исследователями нет единства взглядов по вопросу характеристики тавров как однородного массива⁹².

Таким образом, ко времени образования позднескифской культуры (конец III - первая половина II в. до н.э.) таврского этноса в Предгорном Крыму в чистом виде не существовало. Однако участие смешанного скифо-таврского населения в формировании новой общности сомнений не вызывает. Таврские (кизил-кобинские) традиции прослеживаются в широком использовании в конструкциях погребальных сооружений камня, в наборе и характере отделки лепной посуды, в погребальном инвентаре (просверленные клыки живот-

ных, изделия из кремня, булавки, простые круглопроволочные браслеты, перстни, кольца, спиральные подвески и др.). Необходимо подчеркнуть, что выявить удельный вес "таврского" элемента в составе населения на имеющихся материалах вряд ли возможно - прежде всего из-за отсутствия прямой связи между кизилкобинскими комплексами и памятниками позднескифской культуры.

Греки. Эллинические элементы в позднескифской культуре проявились особенно ярко в столице государства - Неаполе. Об этом свидетельствует характер жилой застройки, отделка зданий, уровень материальной и духовной культуры его жителей. Нет сомнений, что здесь проживал определенный греческий контингент, связанный с местной аристократией экономическими и политическими интересами. Об этом свидетельствуют эпиграфические находки⁸³, а также комплекс построек хозяйственно-жилого и общественного назначения на главной городской площади⁸⁴. Эта прослойка населения занималась торгово-ремесленной и, возможно, военно-консультативной и строительной деятельностью. На других поселениях элементы греческой культуры, за исключением Западного Крыма, прослеживаются слабо⁸⁵.

В погребальном обряде влияние эллинических обычаев проявилось в восточной ориентировке умерших, помещении покойников в деревянный гроб или саркофаг, в сопровождающем инвентаре (светильники, импортная посуда, предметы античной тортовки, украшения и детали греческого костюма и др.) Большинство исследователей справедливо полагает, что в ранний период (II-I вв. до н.э.) эллинизация коснулась, в основном, скифской аристократии. Однако следует учитывать наличие эллинизированного земледельческого населения в Северо-Западном Крыму и на Неаполе (связанного, вероятнее всего, по происхождению с Северо-Западным Причерноморьем⁸⁶ и Боспором).

Т.С. Кондукторова отмечает, что черепа из мавзолея Неаполя отличаются от черепов из Восточного могильника меньшими абсолютными величинами мозгового и лицевого отделов⁸⁷, что, вероятно, послужило основанием для интерпретации их первым исследователем - Г.Ф. Дебецем - как принадлежащих южным европеоидам⁸⁸. Очевидно, среди похороненных в мавзолее были лица греческого происхождения. Скорее всего, их присутствие связано с браками между представителя-

ми царствующей династии и эллиническими аристократическими семьями Боспора⁸⁹.

Второй этап эллинизации, охвативший более широкие слои общества, связан, по мнению Д.С. Раевского, с проникновением в I в.н.э. сармато-меотов с Боспора, испытавших определенное влияние античной культуры¹⁰⁰. Надо отметить граффити - посвящения греческим богам на краснолаковой посуде, преимущественно второй половины I - начала II в.н.э., известные в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма¹⁰¹. Во II в.н.э. в Неаполе, возможно, проживали лица, связанные с боспорской (?) администрацией. Это следует из перестройки здания А и росписи его стен, выполненной в традициях боспорских декорировок¹⁰².

Греческое и эллинизированное население в позднеэллинистический период концентрировалось в Северо-Западном Крыму и на Неаполе. Освоение поздними скифами захваченной у Херсонеса хоры в Западном Крыму было бы невозможным без участия людей, имевших определенные традиции в фортификационном и жилом строительстве, использовавших систему комплексного хозяйствования и др. Все это предполагает длительное знакомство с достижениями греческой цивилизации. Появление переселенцев из Северо-Западного Причерноморья и, возможно, Боспора, было вызвано политикой скифской аристократии, стремившейся к созданию крепкого варварского государства эллинистического типа. В первые века нашей эры - в силу конфронтации позднескифского объединения с античными государствами и децентрализацией Крымской Скифии - греческие элементы проявляются не столь ярко, как в предыдущий период. Заимствуются отдельные виды украшений, детали костюма. В погребальном обряде получает распространение идея вырубленных в скале склепов, инвентарь представлен образцами античной посуды, изделиями из стекла, бронзы, кости. Имеются данные о распространении культа некоторых греческих богов (посвященные граффити), греческой алфавитной системы счета и римской метрологии¹⁰³. В крупных центрах городского типа (Неаполь, Усть-Альма) могли проживать лица греческого происхождения, связанные с боспорской и римской администрацией, а также занимавшиеся торговыми операциями. Значительно эллинизированной и романизированной была группа населения в ближайшей округе Херсонеса во II-III вв.н.э.

Кельты. Фракийцы. Контакты позднескифского населения Северного Причерноморья с западными соседями относятся ко II в. до н.э. - I в.н.э. Наиболее активно они происходили в пограничной зоне (Поднепровье, Побужье). В IV-III вв. до н.э. здесь известны памятники смешанного скифо-фракийского облика¹⁰⁴, что подтверждается и данными антропологии¹⁰⁵. О присутствии в IV-I вв. до н.э. в Ольвии и ближайшей округе населения, связанного по происхождению с гето-фракийским массивом племен, свидетельствует анализ лепной керамики¹⁰⁶. Как известно, позднескифская культура Нижнего Днепра испытала довольно сильное фракийское влияние, что проявилось в лепном керамическом комплексе, предметах культа, жертвенных площадках, наборе украшений и др.¹⁰⁷ Следует отметить пока еще единичные находки трупосожжений в каменных ящиках¹⁰⁸.

Анализ материальной культуры позднескифских племен Крыма показывает, что имело место не только заимствование отдельных западных форм и предметов бытового назначения, но и присутствие определенных групп фракизированного населения. На это указывает лепной керамический комплекс раннего этапа позднескифской культуры (до середины I в.н.э.), который служит своеобразным этническим индикатором. В погребальном обряде фракийское присутствие можно связать с находками трупосожжений в использованных вторично таврских каменных ящиках на плато Капак-Таш¹⁰⁹. В целом, разработка этого направления в исследованиях представляется перспективной.

Проблема кельтов в Северном Причерноморье и в Крыму, в частности, состоит в том, что имеющиеся материалы не позволяют определить степень их участия в этнокультурных процессах. Вещи среднелатенского и позднелатенского облика могли попадать на полуостров несколькими путями. Один из них - вместе с отрядом кельтов, входивших в состав армии Митридата VI Епатора. Следствием их пребывания в Пантикапее, как считает М.Ю. Трейстер, явилась мода ношения фибул среднелатенской схемы со скрепкой¹¹⁰. Однако, такие фибулы известны в некрополе Беляуса и на Неаполе, где вряд ли размещались понтийские гарнизоны¹¹¹. Скорее всего, эта традиция связана с притоком в Крым в I в. до н.э. новой волны фракизированного населения. Второй путь проникновения вещей латенской эпохи -

вместе с сарматами, участвовавшими в походах в Малую Азию (в составе армии Митридата) Это, в основном, трофейное оружие (шлемы¹¹², мечи) и бронзовая посуда¹¹³. Таким путем могли попасть в мавзолей Неаполя мечи среднелатенской схемы и бронзовое этрусское зеркало¹¹⁴. Эти вещи, безусловно, имели долгое хождение. Другое дело - португезно-лояные наборы конца II - начала I в. до н.э. в погребениях мавзолей и Восточного могильника. Такие предметы экипировки, вероятно, поступали в Неаполь в результате контактов с кельтами в Балкано-Дунайском регионе. Таким путем в Северное Причерноморье в I в.до н.э. - I в.н.э. попадали многочисленные украшения, прототипы которых известны на кельтских территориях в более раннее время¹¹⁵. Не исключено, что отдельные группы кельтов проникали в различные районы Северного Причерноморья, как это отмечается для Верхнего Поднепровья и Среднего Поднепровья, в т.ч. в античные города¹¹⁶. Возможно, они входили в состав гарнизонов крепостей и дружин скифских басилевсов (однако, это не более чем предположение).

Таким образом, кельтские и фракийские элементы в позднескифской культуре Крыма фиксируются достаточно четко. Первый этап взаимодействия относится ко II в. до н.э. и, возможно, связан с притоком сохранившегося скифо-фракийского населения из Северо-Западного Причерноморья в результате давления переселившихся на Нижний Дунай в конце III - начале II вв. до н.э. восточно-балканских кельтов и бастарнов¹¹⁷. Второй этап относится ко второй пол. I в. до н.э. - началу I в.н.э. и отражает движение гето-дакийского массива племен в восточном направлении. После середины I в.н.э. западные элементы в позднескифской культуре отражают экономические и культурные контакты с провинциально-римским населением приднуйских областей и их укрежками в составе римских войск, расквартированных в Таврике.

Сарматы. Сармато-яготы. Аланы. Вопросы сарматизации позднескифской культуры Крыма привлекали довольно многих исследователей. П.Н. Шульц относил начало этих процессов ко II-I вв. до н.э. и связывал с легендой о сарматской царице Амаге, договором Фарнака, событиях Диофантовых войн. Средний этап он датировал I-II вв.н.э. (победы боспорских цариц над скифами), поздний - рубежом II-III вв.н.э. (появление алан на Керчен-

ком п-ове, победы Савромата II и Рескупорида III)¹¹⁸. Т.Н. Высотская датирует первый этап II-I вв. до н.э., второй - II в.н.э., третий - IV-V вв.н.э.¹¹⁹ Основываясь на материалах некрополя Неаполя, Д.С. Раевский выделил три волны сарматской экспансии: первая связана с переселением роксолан во II-I вв. до н.э., вторая - с притоком во второй трети I в.н.э. сармато-меотов после победы Аспурга над скифами, третья - с появлением в III в.н.э. аланов и погребений на городище¹²⁰. Ряд положений Д.С. Раевского был подвергнут критике Т.Н. Высотской, которая отрицает массовое проникновение сарматов в Неаполь вскоре после победы Аспурга над скифами, а также не считает возможным связывать сарматские погребения III в.н.э. на городище с определенным этапом¹²¹. А.В. Симоненко не считает возможным говорить о "пробывании сарматов в Неаполе (и вообще в Крыму) до рубежа н.э.", поскольку в "северо-крымских степях неизвестно ни одного сарматского погребения II-I вв. до н.э.", а вещи сарматских типов "не обязательно являются доказательством этнического присутствия сарматов на той или иной несарматской территории"¹²². Пересмотр хронологии могильников Неаполя с привлечением материалов стратиграфических горизонтов городища и пригорода позволили откорректировать схему сарматской экспансии, предложенную Д.С. Раевским¹²³. Рассмотрение материалов позднекифских могильников Юго-Западного и Центрального Крыма позволило еще раз уточнить хронологию этапов сарматизации и участия сармато-меотских и сармато-аланских племен в этнополитических процессах на полуострове¹²⁴.

Первый этап проникновения сарматов относится к концу II-I вв. до н.э., хотя его можно распространить до начала I в.н.э. С ним связаны впускные захоронения в курганах, часто вблизи скифских поселений (Кермен-Кыр, Чистенькая¹²⁵, Цветочное, курган 1949 г. Неаполя и др.). Инфильтрация этого населения прослеживается и в грунтовых могильниках (Неаполь, Битак, Дмитрово, Кульчук, Усть-Альма), что может свидетельствовать о постепенном мирном слиянии сарматского и скифского этносов.

Необходимо отметить, что погребений этого времени исследовано немного, поэтому говорить о путях попадания сарматов в Крым и об их этноплеменной принадлежности можно лишь в предположитель-

ной форме. Погребения с южной ориентировкой, скорее всего, связаны с проникновением населения из Прикубаны и Азиатского Боспора, испытавшего давление прохоровской культуры¹²⁶. Особое место принадлежит захоронениям в мавзолее Неаполя, обряд которых также отражает связи аристократического рода с сарматизированным населением Азиатского Боспора¹²⁷. В Северо-Западном Крыму для этого времени известны случаи вторичного использования под захоронения античных каменных гробниц (Керкинитиды, Заозерное), что может свидетельствовать о наличии вблизи позднекифских поселений кочевого сарматского населения.

Небольшой всплеск сарматской активности наблюдается в конце I в. до н.э. - начале I в.н.э. В это время появляются впускные захоронения в курганах междуречий Альмы, Качи и Бельбека, а также вблизи Херсонеса (Братское кладбище)¹²⁸. С этой волной, очевидно, связаны первые подобные могилы Усть-Альминского некрополя¹²⁹, ряд конструкций этого типа в Беляусе¹³⁰, могильника у с. Кольчугино¹³¹, впускные подобные и грунтовые могилы с каменными сооружениями в курганах Северо-Западного Крыма (Беляус, Кульчук). Первой половиной I в.н.э., ближе к середине столетия, датируется богатое женское захоронение в Ногайчинском кургане¹³².

Второй этап (втор. пол. I - начало II в.н.э.). В свое время Д.С. Раевский связал появление сармат на Неаполе и родоначальника новой позднекифской династии (предполагаемого сармата Ходара) с победой боспорского царя Аспурга, произошедшей не позднее 23 г.н.э.¹³³ Недавно, с определенными оговорками, к этой гипотезе присоединился Ю.Г. Виноградов¹³⁴. В важности победы Аспурга сомневаться не приходится. Археологические материалы дают основание говорить об усилении оборонительной системы Неаполя Скифского в начале I в.н.э., а также о пожарах в городе и на пригороде¹³⁵. Победа над скифами, однако, не сопровождалась массовым переселением сармато-меотов в Неаполь, как полагает Д.С. Раевский¹³⁶. Постройки в городе и на пригороде восстанавливаются во второй четверти I в.н.э., наблюдается определенная предметность в материальной культуре, строительных традициях и др. Кроме того, распространение на некрополях Неаполя подобной могил, на которых акцентирует внимание Д.С. Раевский, относится к середине - третьей четверти I в.н.э. и связа-

но, скорее всего, с событиями римско-боспорской войны 46-49 гг.н.э., когда вследствие аорско-сиракского конфликта в Предгорный Крым проникают племена подпепухоровской культуры и сармато-метоты Прикубанья¹³⁷. В Северо-Западном Крыму после середины I в.н.э. фиксируется сокращение численности жителей¹³⁸, что может быть связано с враждебными действиями аорсов¹³⁹. В Юго-Западном и Центральном Крыму, напротив, происходит увеличение населения, распространяются подобные могилы и грунтовые могилы с запличками. Появляются склепы-катакомбы с погребениями сарматской знати, сопровождающиеся богатым погребальным инвентарем и конскими захоронениями (Усть-Альма). В Степном Крыму фиксируется кочевое население, памятники которого тяготеют к Присивашью¹⁴⁰. На рубеже I-II вв.н.э. и в первые десятилетия II в.н.э. предгорный Крым был затронут новой волной кочевников. К этому времени относится ряд ярких воинских погребений раннеаланской (позднесарматской) культуры на Неаполе и в его округе¹⁴¹.

Третий этап (конец II-первая половина III в.н.э.) связан с переселением в Юго-Западный и Центральный Крым сармато-аланских племен - вследствие политики боспорских царей, Херсонеса, Рима и ситуации в северопричерноморских степях¹⁴². В погребальном обряде происходит ряд изменений: увеличивается количество захоронений в колодах, северная ориентировка становится доминирующей, появляются глубокие подобные могилы и плитовые, продольно-осевые и Т-образные грунтовые склепы, получают распространение вырубные склепы (Неаполь, Брянское), фиксируются находки деформированных черепов. Наиболее ярко сармато-аланские черты в погребальном обряде и инвентаре проявляются в конце этапа, особенно после военной опасности конца первой четверти III в.н.э., зафиксированной монетными кладами на Неаполе и в Юго-Западном Крыму, и катастрофы, разразившейся около 240 г. н.э.¹⁴³. Очевидно, с вторжением сармато-алан и изменившейся обстановкой на дунайской границе связано сокращение римского военного присутствия в Таврике (Алма-Кермен, Харакс, Кадьковка). Дальнейшая судьба населения предгорного Крыма определялась событиями эпохи "готских походов"¹⁴⁴.

Этнический состав населения Крымской Скифии на протяжении пяти столетий

претерпел значительные изменения и может быть охарактеризован так. На первом этапе (конец III-II в. до н.э.) произошло слияние местного (скифо-кизил-кобинского) и пришлого (скифо-фракийского) населения. При этом нельзя не учитывать возможность участия в этом процессе отдельных группировок из восточных районов полуострова и Восточного Приазовья, этническая принадлежность которых степным причерноморским скифам вызывает сомнения. Применяя терминологию этнографической науки, воздействие модуса миграции шло по третьему варианту, когда завоеватели (переселенцы) и аборигенное население количественно соизмеримы, и происходит синтез этнического субстрата и суперстрата - возникает новый этнос¹⁴⁵. В результате объединяющей деятельности Скилура и изменения демографической ситуации к концу II в. до н.э., вероятно, сформировался такой этнос - крымские скифы. Поток раннесарматского населения и фракизированных переселенцев из Северного Причерноморья, влившийся в I в. до н.э., привел к размытию этнической общности. Несмотря на относительно малочисленность нового населения (второй вариант модуса миграции), оно серьезным образом повлияло на общий облик культуры, некоторые виды материального производства, быт, культы и пр.

Сарматская волна втор. пол. I - начала II в.н.э. привела к значительному сокращению прежнего населения в Северо-Западном и Центральном Крыму и вынужденной интеграции крымских скифов и различных групп сарматских племен. В результате этих взаимодействий, к концу II - началу III вв. н.э. в предгорном Крыму сложилось скифо-сарматское объединение (контролируемое Боспором и Херсонесом), при некотором преобладании сарматов (третий вариант модуса миграции).

Во второй - третьей четверти III в.н.э. скифо-сарматское объединение было разгромлено в результате нескольких походов аланских и готских племен, а остатки населения были включены в IV в.н.э. в новое объединение, где доминировали аланские элементы (первый вариант модуса миграции).

В заключение следует сказать о перспективах археологического изучения этнической истории Крымской Скифии в ближайшие десятилетия. Для выяснения вопроса о сложении позднескифской культуры необходимы широкие полевые иссле-

дования поселений и могильников в Центральном, Юго-Восточном и Северо-Западном Крыму. С ранним этапом (II-I вв. до н. э.) связана и проблема проникновения - требуется изучение районов Крымского Присивашья. Переведения кочевников (аорсов, сираков, аланов) оставили ряд ярких погребальных памятников в Центральном и Юго-Западном Крыму - их раскопки дадут новое представление об этнополитической ситуации в I-III вв. н. э. Белым пятном на карте остаются многие районы Горного Крыма, где можно предполагать наличие интереснейших памятников,

благодаря исследованиям святилища на Гурзуфском Седле¹⁴⁶, поселений и могильников в Алуштинской долине, пещерного некрополя Бай-Су¹⁴⁷ и др.

Следует более серьезное внимание обратить на антропологическую характеристику населения Крымской Скифии, с привлечением широкого сравнительного материала евразийских степей и циркумпонтийского региона. Рассмотрение погребального обряда по хорошо изученным памятникам и областям позволит выявить как этнокультурные традиции, так и инновации, связанные с притоком нового населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Переработанный и дополненный текст доклада, прочтенного в декабре 1995 г. на заседании скифо-античного отдела КФ ИА НАН Украины, посвященном 50-летию Тавро-Скифской экспедиции.
2. Термин применяется для обозначения крымской части Малой Скифии Страбона (VII, 4, 5).
3. В предлагаемой работе не ставится задача локализации населенных пунктов, упоминаемых древними авторами, и критического разбора их сведений о Крыме. См.: Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 34-144; Ольховский В.С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. N 3. С. 52.
4. Соломоник Е.Г. Таври. Таврика // Археология. 1976. № 20. С. 46-50.
5. Ольховский В.С. Население Крыма ... С. 53.
6. Пноро И.С. К вопросу об этнической атрибуции названия "тавры" в римское время // Херсонесский сборник. Вып. IX. Севастополь, 1998. С. 138, 139.
7. Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 43, 44, № 13; Ср.: Зубарь В.М. Нотатки з латинської епіграфіки Херсонеса і Харакса // Археологія. 1990. № 2. С. 109.
8. Ольховский В.С. Население Крыма ... С. 54.
9. Соломоник Е.Г. Про значення терміна «тавро-скіфи» // АП. 1962. Т. XI. С. 155; Ольховский В.С. Население ... С. 54 Столба В.Ф. Демографическая ситуация в Крыму в V - II вв. до н. э. (по данным письменных источников) // ПАВ. 1993. № 6. С. 57.
10. ВДИ. 1947. № 4. С. 243. Прим. 7, 8. Ср.: Ростовцев М.И. Скифия и Боспор ... С. 67, прим 1; 80.
11. Библиографию вопроса и новую интерпретацию см.: Зубарь В.М. По поводу достоверности одного письменного источника по истории Ольвии середины II в. (SHA. Ant. Pius, 9, 9) // РА. 1993. № 2. С. 185-188; он же. О так называемой "тавро-скифской" войне в истории Ольвии // РА. 1997. № 2. С. 85-90. С.В. Буйских (Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев, 1991. С. 134) со ссылкой на Р. Сайма (Syme R. Antiquus and the Historia Augusta. Oxford, 1968. P. 70, 73-74), отметил, что термин "тавроскифы" не отвечал истинному названию племен, напавших на Ольвию. А.С. Русьева видит в приставке "тавро" - указание на географическое местоположение, а в сардах - одно из сарматских племен, проживавшее на южнеднепровских городищах (Ольвийсько-сарматські відносини у другій половині I ст. н.е. // Археологія. 1995. № 4. С. 27).
12. Ю.М. Десятчиков, вслед за М.И. Ростовцевым (Скифия и Боспор ... С. 53), видел в скифах-сардах скифов-сатархов; Десятчиков Ю.М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 136.
13. Об этимологии названия "сираки" и его связи с "царскими скифами", "саками" и "санями" см.: Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 109, 110.
14. Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 133; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор... С. 47; Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. Т. III. 1962. С. 36-43.
15. Щеглов А.Н. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху // ВДИ. 1966. № 4. С. 146-149, 154; он же. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 332; Щелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III - I вв. до н.э. М., 1970. С. 63; Дашевская О.Д. Скифы на северо-

- западном побережье Крыма в свете новых открытий // ПСА. М., 1971. С. 152-153, прим. 15; Столба В.Ф. Демографическая ситуация ... С. 59.
16. Десятчиков Ю.М. Сатархи ... С. 140 - 143.
  17. Sulimirski T. The Sarmatians. L., 1970. P. 113-116; Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977. С. 108; он же. Средняя Азия и античное Причерноморье. Проблема контактов, их периодизация и характер // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III-го семинара. Часть I. Новочеркасск, 1992. С. 16,17; Манделъштам А.М. Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 133-141; Бабаяев А.Д. Из истории Средней Азии эллинистического и послезалинистического времени // Кочевники евразийских степей и античный мир. Материалы II-го семинара. Новочеркасск, 1989. С. 133,134; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990. С.197-200; он же. К проблеме исторической интерпретации археологических параллелей в культурах алтайского и доно-уральского регионов в последние века до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III-го семинара. Часть II. Новочеркасск, 1992. С.3-10; Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв.н.э. // ПАВ. 1993. № 3. С. 67; он же. Центральноазиатские и среднеазиатские традиции в искусстве Сарматии // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III-го семинара. Часть II. С. 75-78.
  18. Сокольский Н.И. Таманский Толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С.46, 48, 116.
  19. Зайцев Ю.П. Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. 1997. № 3. С. 37; он же. Хронология Неаполя Скифского // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. V. Запорожье, 1995. С. 72-77, 82,87. Ю.П. Зайцев датирует пожар I 135-130 гг. до н.э. и в осторожной форме связывает его с рассказом Полиена об Амаге. Дата определена, исходя из стратиграфической колонки глинобитных полов главного мегарона Южного дворца, которые, как полагает Ю.П. Зайцев, ежегодно обновлялись. За верхнюю точку отсчета принят слой разрушения времени захвата Неаполя Диофантом. В этом горизонте встречены, помимо родосских клейм V группы, оттиски штампов III и IV групп, многочисленная кухонная и столовая посуда, в т. ч. чернолаковая и с росписью, терракоты, большое мраморное блюдо культового назначения: Зайцев Ю.П. До питання про грецьке населення Неаполя Скіфського // Археологія. 1990. № 1. С. 83-94, рис. 4-8. Исходя из предложенной Ю.П. Зайцевым периодизации, здание с портиками, где были установлены надписи Посидея и Евмена, возникает после пожара - т.е. около 130 г. до н.э. Это противоречит как палеографическим особенностям посвящений, так и тому, что Посидею, если он был к этому времени жив, исполнилось бы 80 лет. Все вышесказанное позволяет склониться к более ранней дате пожара I - около 145 г. до н.э. Не исключено, что этим же временем датируется и пожар, прослеженный на акрополе Булганакского городища (Храпунов И.Н., Мульд С.А. Оборонительные сооружения акрополя Булганакского городища // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993. С. 8,9) и на валу городища Кермен-Кыр (Пуздровский О.И. Охронні роботи на скіфському городищі Кермен-Кыр // Археологія. 1989. № 2. С. 137-138, рис. 2).
  20. В транскрипции М.В.Скржинской: Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. К., 1977. С. 46, 96.
  21. Шеглов А.Н. О населении Северо-Западного Крыма ... С. 148; Ольховский В.С. Население ... С. 60; он же. До етнічної історії давнього Криму // Археологія. 1990. N 1. С. 31; Молев Е.А. Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне походов Диофанта // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С.56.
  22. Ольховский В.С. До етнічної історії. - С. 31.
  23. Ср. Ольховский В.С. Население Крыма ... С. 64.
  24. Скржинская М.В. Северное Причерноморье ... С. 61; Маркевич А.И. К столетию исследования на городище Неаполь у Симферополя (1827 - 1927) // ИТОИАЭ. 1928. Т. 3. С. 8.
  25. Локализацию Сатархи и Тафра на Керченском полуострове нельзя признать удачной: см.Зубарев В.Г. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолея. Тула, 1998. С. 63-67. Рис. 6.
  26. Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. - I в.н.э. // АСГЭ. 1974. N 16. С. 125-127; Ср.: Симоненко А.В. Сарматы Таврики. Киев, 1993. С. 107 - 112; Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязычном и "индоиранском" населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 58-59.
  27. Об этимологии имени сатархов: Десятчиков Ю.М. Сатархи ... С. 143. В последнее время в степях Таврики исследовано довольно значительное количество сарматских погребений II - I вв.

- до н.э., принадлежащих, как считает А.В. Симоненко, историческим роксоланам: Роксолани (пошук археологічних відповідей) // Археологія. 1991. № 4. С. 17-28.
28. У Иосифа Флавия они фигурируют под именем сарматов.
29. Десятчиков Ю.М. Сатархи ... С. 141. Наряду с европейскими "скифами", многие авторы (Страбон, Диодор Сицилийский, Арриан, Птолемей, Помпей Трог, Плиний и др.) под этим термином понимали среднеазиатских саков и близкородственные им племена: Куклина И.В. Этногеография ... С. 103-112; Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 179-180, прим. 6; 193-194, прим. 9.
30. Праков Б.Н. Термин Σαρδοι и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. Вып. XVI. 1947. С. 79, 84-88.
31. Ольховский В.С. До етнічної історії ... С. 19; Ср.: Молев Е.А. Боспор ... С. 26-32.
32. Шеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 130-131.
33. Полин С.В. От Скифии к Сарматии К., 1992. С. 90-92. Датировка событий легенды I в. до н.э. не соответствует источнику и историческим реалиям: в это время Херсонес навсегда лишился дальнейшей хоры ("страны"), а сармато-херсонесские отношения были враждебными.
34. Пуздровский А.Е. О скифо-херсонесских конфликтах в III-II вв. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 144. Древнейшая оборонительная линия Неаполя возведена не позже первой четверти II в. до н.э. и не была рассчитана на античную осадную технику, а предназначалась для защиты прежде всего от сарматов (Колтухов С.Г. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА. 1990. № 1. С. 185. Ср.: Зайцев Ю.П. Хронология ... С. 77, 84). Если рейды савев из доонских или прикубанских степей к Ольвии были возможны (Полин С.В., Симоненко А.В. Скифия и сарматы // Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997. С. 92), то не столь уж невероятен поход сарматов Гатала ("Амаги") от низовьев Кубани (Полин С.В. Гатал - царь сарматский // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: (Тез. докл. конф.). Запорожье, 1989. С. 122-123) через замерзший Керченский пролив - к скифской царской ставке. Длина пути, который совершил отряд Амаги (1200 стадий равны 212 км, при длине стадия в 176,6 м), точно соответствует расстоянию от пролива ("на Понтийском побережье") до городища Керменчик.
35. Зайцев Ю.П. Хронология... С. 72-79, 84.
36. Колобова К.Н. Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1949. № 3. С. 31-32; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 72, 120; Сапрыкин С.Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1979. № 3. С. 56; Harmata J. Studies in the history and language of the Sarmatians // Acta antiquae et archaeologica. 1970. Vol. 13. P. 19-21.
37. Десятчиков Ю.М. Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4. С. 69-80.
38. Сапрыкин С.Ю. Аспургане // СА. 1985. № 2. С. 65-78.
39. Абая В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С. 157; Десятчиков Ю.М. Сатархи ... С. 143-144; Сапрыкин С.Ю. Аспургане ... С. 67. Не исключено, что аспургане и сатархи являлись ветвями одного племени сако-массагетского происхождения, о чем может свидетельствовать корень 'stgrā' (см. прим. 27).
40. Максимова М.И. Заметка об Ахтанизовском кладе // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 55-58; он же. Артоховский курган. Л., 1979. С. 13-24; Смирнов К.Ф. Северский курган. М., 1953. С. 32-42; Спицын А.С. Фалары Южной России // ИАК. 1909. Вып. 29. С. 18-53. Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994. С. 50-56.
41. Ростовцев М.И. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Сборник статей в честь П.С. Уваровой. М., 1916. С. 6; он же. Сириск - историк Херсонеса Таврического // Сборник статей по классической филологии. Вып. II. Петроград, 1915. С. 160.
42. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 8.
43. Плиневич К.Э. Херсонес и Рим // ВДИ. 1947. № 2. С. 230.
44. Казеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 15. Библиографию вопроса см.: Соломоник Э.И. Граффити ... С. 9, 21, прим. 27. М.И. Ростовцев (Цезарь и Херсонес // ИАК. 1917. № 63. С. 18), со ссылкой на В.В. Латышева, указывал на сходство шрифта этой надписи с декретом в честь Г. Юлия Сатира (IOSPE, P. 691).
45. Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес // СА. 1987. № 1. С. 48-57; Зубарь В.М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // ВДИ. 1987. № 2. С. 118-129; Пуздровский О.Е. Крымская Скифия в конце II ст. до н.э. - перш. пол. III ст. н.э. // Археологія. 1992. № 2. С. 128.
46. Близкая ситуация отмечена в III в. до н.э.: Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о "неесении Дюионса" IOSPE P. 343, и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 116-

- 122.
47. Дьяков В.Н. Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. // ВДИ, 1941. № 1. С. 91-93; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С.27.
  48. Ростовцев М.И. К истории Херсонеса ... С. 14. Стк. 7 можно дополнить и так: ... (скифов) и савроматов и (сираков).
  49. Соломонок Э.И. Граффити ... С. 9-10.
  50. Зубарь В.М. Херсонес Таврический ... С. 32-38.
  51. Праков Б.Н., Виноградов Ю.Г. Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1970. № 3. С. 127-129; Калеев В.И. Херсонес Таврический ... С. 26-28, прим. 14; Зубарь В.М. Херсонес Таврический ... С. 38,39.
  52. Антонова И.А., Яйленко В.П. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 3. С. 72-76.
  53. Виноградов Ю.Г. Новое документальное досье императорской эпохи из Херсонеса (О прерватностях судеб херсонеситов и их лапидарного архива) // ВДИ. 1996. № 1. С. 48-60; Ср.: Свенцицкая И.С. Еще раз о новом херсонесском декрете // ВДИ. 1996. № 3. С. 138, 139; Смышляев А.Л. Карьера, миссия и статус Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды // Там же. С. 141-147.
  54. Зубарь В.М., Савеля О.Я. Сарновский Т. Нови латински написи за римского храма в околцих Херсонеса Таврийского // Археология. 1997. № 4. С. 82, 83.
  55. Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I - середине IV вв. н. э. (локализация и политическая история) // ПАВ. 1993. № 6. С. 85.
  56. Будянова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С.68-71; Хайрединова Э.А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н. э. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1994. С. 520, 521. Ср.: Брайчевский М.Ю. Готы в Надчерноморшии // Археология. 1989. № 1. С. 110-111.
  57. Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. М., 1954. С. 33-34; Яценко С.А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236-276 гг. н. э. // STRATIUM+PAV. СПб. - Кишинев, 1997. С. 154, 155.
  58. Раевский Д.С. Неаполь или Палакий? // ВДИ. 1976. № 1. С. 102-107; он же. Очерки идеологии ... С. 24, 40, 43, 76, 118, 134, 161, 183, 186; Высотская Т.Н. К вопросу о локализации Палакия // ВДИ. 1983. № 1. С. 111-116; Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке: (Тавры. Скифы. Сарматы). Симферополь, 1995. С. 51-52.
  59. Дашевская О.Д. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упомянутых Страбонам // ВДИ. 1958. № 2. С. 143-150; Соломонок Э.И. Эпиграфическое свидетельство о скифской крепости в Крыму // ВДИ. 1961. № 4. С. 106-109; она же. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 7-15, 92-97; она же. Сравнительный анализ свидетельств Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях // ВДИ. 1977. № 3. С. 53-63; Скражинская М.В. Северное Причерноморье ... С. 72-74; Качарова Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Тбилиси, 1991. С. 93-95, 149, 164, 165, 207, 208, 299; Колтухов С.Г. Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. IV. Запорожье, 1993. С.206-222.
  60. Предложение Т.Н. Высотской связать этот отрывок с событиями середины I в. н. э. (К вопросу о локализации Палакия ... С. 114) не может быть принято. См.: Пуздовский О.Е. Крымская Скифия в конце II-перш. пол. III ст. н.э. // Археология. 1992. № 2. С. 130; Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ. 1947. № 4. С.250. Прим. 6.
  61. Столба В.Ф. Демографическая ситуация ... С. 57; Яценко С.А. Германцы и аланы ... С. 155.
  62. Праков Б.Н. Скифы. М., 1971. С. 72; Артамонов М.И. Скифское царство в Крыму // ВЛГУ. 1948. N 8. С.68.
  63. Молев Е.А. Боспор и варвары ... С. 55.
  64. Ольховский В.С. Население ... С. 57-58; Ольховский В.С. До етнічної історії ... С. 32. Ср.: Столба В.Ф. Демографическая ситуация ... С. 58.
  65. Абаев В.И. Геродотовские scythai georgoi // ВЯ. - 1981. N 2. - С. 74 - 76. Ср.: Столба В.Ф. Демографическая ситуация ... С. 58 - 59. Прим. 2; Корчелла А. Скифы арготриэ и скифы твартои // ВДИ. 1994. № 1. С. 82-89.
  66. Мозолевский Б.М. Курганы вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археология. 1990. N 1. С.135, 136. Рис.12. Ср.: Праков Б.Н. Термин Σχυθαί... С. 85,86.
  67. Пуздовский А.Е. Население Крымской Скифии во II в. до н.э. - III в. н.э. (этнополитический аспект). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1993; Колтухов С.Г. Укрепления

- Крымской Скифии (Пв. до н.э. - III в.н.э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. К., 1993; Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский во II в. до н.э. - III в.н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. К., 1995.
68. Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е. Неаполь Скифский в эпоху Диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 232; Пуздровский А.Е. О скифо-херсонесских конфликтах ... С. 142-143; Павленко В.И. К вопросу о времени и характере возникновения Неаполя Скифского // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Запорожье, 1989. С. 115-116; Храпунов И.Н., Федосеев Н.Ф. Керамические клейма Булганаевского городища // Древности. Харьков, 1997. С. 102-110.
  69. Ср.: Колтухов С.Г., Мыц В.Л., Колотухин В.А. Первые результаты археологических исследований курганного некрополя Ак-Кая // Херсонес в античном мире. Тез. докл. конф. Севастополь, 1997. С. 55-56.
  70. Троицкая Т.Н. Скифские курганы в Крыму // ИКОГО. Вып. 1. Симферополь, 1951. С. 91-99.
  71. Полин С.В. От Скифии к Сарматии. С. 41-42.
  72. Наиболее полно эта проблема отражена в развернувшейся дискуссии: Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель "Великой Скифии" // ВДИ. 1997. № 3. С. 93-103; Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о "несении Диониса" IOSPE P.343, и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104-124; Полин С.В. По поводу рецензии И.В. Бружко // РА. 1997. № 4. С. 207-215; Бружко И.В. От Скифии к Сарматии без природных катастроф // РА. 1997. № 4. С. 215-218.
  73. Шеглов А.Н. Поддескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1988. С. 32.
  74. Виноградов Ю.Г., Шеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 361-362; Шеглов А.Н. Еще раз о причине денежного кризиса III в. до н.э. в античных центрах Северного Причерноморья // Древнее Причерноморье. Тез. докл. конф. Одесса, 1989. С. 56-58.
  75. Золотарев М.И., Туровский Е.Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 85-86.
  76. Шеглов А.Н. Северо-Западный Крым ... С. 53-55; Круглякова И.Т. Сельское хозяйство Боепора. М., 1975. С. 250-252; Крыжичий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 146-151.
  77. Полин С.В. От Скифии к Сарматии. С. 109-111.
  78. Полин С.В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984. № 45. С. 24-29.
  79. Доманский Я.В. Из истории отношений Ольвии со Скифией // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. конф. Парутино, 1985. С. 24-25.
  80. Максименко В.Е. К вопросу о времени установления политического господства сарматов в Северном Причерноморье // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С. 41-42.
  81. Полин С.В. Про сарматське... С. 28-29
  82. Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989. С. 21-24, 94-95; Масленников О.О. Историко-географичне районування Східного Криму в античну епоху // Археологія. 1989. № 4. С. 43.
  83. Пуздровский А.Е. Население... С. 12, 14. Ср.: Зайцев Ю.П. Хронология ... С. 72-80, 87.
  84. Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI - начале ? в. до н.э. Запорожье, 1995. С. 83-85, 96-161; Мелькова А.И. Скифские курганы Тираспольщины // МИА. 1962. № 115. С. 114-166; Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин А.В. Новый курганный могильник скифской культуры в Нижнем Поднестровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 251-255; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского подлесья VII-I вв. до н.э. М., 1989. С. 180-204; Ср.: Полин С.В. От Скифии к Сарматии. С. 45-49; Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. - IV в.н.э.). М., 1993. С. 97, 101, 103, 106.
  85. Петренко В.Г. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 79-80; Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII - III вв. до н.э.) М., 1991. С. 167-172; Дебец Г.Ф. Черепя из курганов Среднего Подонья // Население Среднего Дона в скифское время. М., 1969. С. 38-40; Круз С.И. К вопросу об этнической принадлежности населения Керченского полуострова в скифское время (по антропологическим данным) // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Київ, 1989. С. 115-117.

86. Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953. С.48-50.
87. Кондукторова Т.С. Населения Неаполя Скифского за антропологическими данными // МАУ. - Вып. 3. Київ, 1964. С.38-39
88. Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы - начале железного века. Киев, 1996. С.79-83.
89. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность ... С.85-86.
90. Колотухин В.А. Население Предгорного и Горного Крыма в конце II - первой половине I тыс. до н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1988. С.10; он же. Горный Крым ... С.62-63; Ср.: Власов В.П. О хронологических рамках кизил-кобинской (таверской) культуры // Древности. Харьков, 1997. С.15-22.
91. Ср.: Соломоник Е.И. Про значения термина "тавро - скифи" ... С.153-157; он же. Таври. Таврика. С.46-50. Ср.: Щеглов А.Н. Финал кизил-кобинской культуры и поздняя история тавров // Скифы, Хазары, Славяне. Древняя Русь. Тез. докл. конф., СПб., 1998. С.66-70.
92. Дебен Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948. С.163; Соколова К.Ф. Тавры Крымского полуострова // ВА. 1960. Вып.3. С.66-75; Круц С.И. К вопросу ... С.115-117; Покас П.М., Назарова Т.А., Дяченко В.Д. Материалы по антропологии Акташского могильника // Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988. С.140-141; Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987. С.27-29.
93. Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // ИЭ. 1962. Т.III. С.32-44; Виноградов Ю.Г. Политическая история... С.230-250.
94. Зайцев Ю.П. До питания ... С.83-94; Ср: он же. Южный дворец ... С.36-50.
95. Высотская Т.Н. Влияние античной культуры на скифов поздней поры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С.209-215.
96. Пузровский А.Е. К проблеме формирования Неаполя Скифского // Проблемы античной культуры. (Тез. докл. конф.) Симферополь, 1988. С. 304; он же. О скифо-херсонесских ... С.143-144.
97. Кондукторова Т.С. Населения ... С.37.
98. Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология ... С.27-28. М.С. Великанова считает, что в серии поздних скифов (Неаполь) наиболее вероятно примесь греческого элемента - узколицего средиземноморского типа: (Палеоантропология Прутско - Днестровского междуречья.) М., 1975. С. 68.
99. Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55-87; Зайцев Ю.П. Памятники скульптуры из мегарона Южного дворца Неаполя Скифского // Крымский музей. (1995-1996 гг.) Симферополь, 1996. С.22.
100. Раевский Д.С. К истории греко-скифских отношений (II в. до н.э. - II в. н.э.) // ВДИ. 1973. № 2. С.114-119.
101. Пузровский А.Е. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993-1995 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь, 1997. С.167-180.
102. Яценко И.В. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском // СА. 1960. № 4. С.91-112.
103. Соломоник Е.И. Написи на крымских амфорах первых столетий нашей эры // Археология. 1993. № 2. С.114-115; она же. Две группы надписей на керамических сосудах из Крыма первых веков нашей эры // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С.42.
104. Ольховский В.С. Погребально-поминальная ... С.169.
105. Великанова М.С. Палеоантропология ... С.52-69.
106. Марченко К.К. Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV - первой половины I в. до н.э. // КСИА. 1975. № 143. С.70-76.
107. Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. 1958. № 64. С.103-247; Вязмитина М.И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра // МИА. 1969. № 150. С.119-134; она же. Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии // СА. 1969. № 4. С.62-77; Щеглов А.Н. Еще раз о позднескифской культуре (к проблеме происхождения) // История и культура древних и средневековых обществ. СПб., 1998. С.141-153.
108. Зубарь В.М., Кубышев А.И. Погребальные комплексы рубежа нашей эры из Нижнего Поднепровья // СА. 1987. № 4. С.248-253.

109. Колотухин В.А. Раскопки могильника на плато Капак-Таш // АО 1980 г. М., 1981. С. 260-261.
110. Трейстер М.Ю. Кельты в Північному Причорномор'ї // Археологія. 1992. № 2. С.40-41, 43.
111. Ср.: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С.136, 147.
112. Есть точка зрения, что племя, асинхронные другим вещам комплексов, попали к сарматам еще в период их первого столкновения с кельтами в Поднепровье (См.: Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы... С.102), т.е. на 100-200 лет раньше походов.
113. Трейстер М.Ю. Кельты ... С.40-41.
114. Шульц П.Н. Мавзолей ... табл. VII; XVII, 1; Зайцев Ю.П. Верховная знать Неаполя Скифского (новое исследование захоронения в каменной гробнице мавзолея) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. Материалы заседаний "Круглого стола". СПб., 1994. С.97, рис.3.
115. Трейстер М.Ю. Кельты... С.44-46, рис.9.
116. Там же. С. 45, 46.
117. Андрус С.И. Нижнедунайская Скифия ... С. 85, 110 - 117.
118. Шульц П.Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // ПСА. М., 1971. С.140-142.
119. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972. С. 185.
120. Раевский Д.С. Скифы и сарматы в Неаполе // ПСА. М., 1971. С.150, 151.
121. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. С.183-185; она же. Неаполь - столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С.192-196; она же. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // МЭИК. Киев, 1987. С.48-50.
122. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. С.116.
123. Пуздровский О.Е. Сарматы в Неаполі Скифському // Археологія. 1989. № 3. с.39.
124. Пуздровский О.Е. Крымська Скіфія ... С.127-132; он же. О сарматах в Крыму // МАИЭТ. Вып.IV. Симферополь, 1995. С. 397-402.
125. Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Погребение воина позднелеллинистического времени в Предгорном Крыму // Археология Крыма. 1997. № 2.
126. Ср.: Раевский Д.С. Этнический и социальный состав населения Неаполя Скифского. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1971. С.7; Симоненко А.В. Сарматы Таврии. С.116.
127. Пуздровский А.Е. К интерпретации захоронений в мавзолее Неаполя Скифского // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тез. докл. конф. Севастополь, 1988. С.86-87; он же. Сарматы в Неаполі... С.31-32; он же. Сарматы в Крыму // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. конф. Симферополь, 1991. С.100; он же. Крымська Скіфія...С.127; он же. О сарматах ... С.399; Ср.: Зайцев Ю.П. Мавзолей Неаполя Скифского // Археологія. 1992. № 1. С.98; он же. Верховная знать... С.100; он же. Южный дворец ... С.46-49.
128. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. С.69-72.
129. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Охранные раскопки Усть-Альминского могильника // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. С. 228.
130. Давшевская О.Д. О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С.53-60.
131. Храпунов И.Н., В.В.Масякин, Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Кольмутино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь, 1997. С.124, 125.
132. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. С. 70-74.
133. Раевский Д.С. К истории...С.117-119; Ср.:Карышковский П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С.66-82; Высотская Т.Н. Этнический ... С. 48, 50; Храпунов И.Н. До соціально-політичної історії характеристично пізньо-скифського царства // Археологія. 1992. № 1. С. 92, прим.51.
134. Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в.н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 155.
135. Колтухов С.Г. Новые материалы ... С.187.
136. Раевский Д.С. Скифы и сарматы ... С.151.
137. Шукин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в.н.э. в Центральной и Восточной Европе // СА. 1989. № 1. С.75-80; Пуздровский О.Е. Крымська Скіфія ... С.130-131; Руслева А.С. Ольвійсько-сарматські відносини у другій половині I ст..н.е. // Археологія. 1995. № 4. С.26-33.
138. Яценко И.В. Исследование сооружений скифского периода на городище "Чайка" в Евпатории // КСИА. 1970. № 124. С.36; Щеглов А.Н. Северо-Западный ... С. 43; Михлин Б.Ю. Фибулы

- Белууского могильника // СА. 1980. № 3. С. 211; Попова Е.А. Юго-Западный квартал скифского поселения у санатория "Чайка" близ Евпатории // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991. С. 71.
139. Пуздровский О. Е. Крымська Скіфія... С. 129.
140. Симоненко А. В. Сарматы Таврин. С. 67-74.
141. Высотская Т. Н. Неаполь... С. 201-203. Орлов К. К., Скорый С. А. Комплекс с бронзовым посудом римского часу с поховання в Центральному Криму // Археологія. 1989. № 2. С. 71-73; Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Новиков И. И. Сарматское погребение из окрестностей Неаполя Скифского // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 116-122.
142. Пуздровский А. Е. Сарматы в Крыму ... С. 101; Зубарь В. М. Херсонес Таврический ... С. 111-117; Яценко С. А. Германцы и аланы ... С. 154-157.
143. Пуздровский А. Е. Население Крымской Скифии ... С. 13; Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. С. 28, 145; она же. Поздние скифы ... С. 60-63. Анализ этих материалов показывает их соответствие как керамическому комплексу Горгишпи, погибшей в катастрофе около 240 г. н. э.: (Алексеева Е. М. Античный город Горгишпи. М., 1987. С. 75, 244. Табл. 89-96, 104-106, 110-112, 156, 166, 222-225), так и Танаиса, разрушенного десятилетием позже: (Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Усадьбы Танаиса. М., 1992).
144. Айбабин А. И. Население Крыма в середине III - IV вв. // МАИЭТ. Т. V. Симферополь, 1996. С. 290-299. Рассмотрение четвертого этапа (втор пол. III - третья четверть IV в. н.э.) выходит за рамки работы.
145. Алексеев В. П. Историческая антропология. М., 1979. С. 186; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 259-262.
146. Новиченкова Н. Г. Святлище Крымской яйлы // ВДИ. 1994. № 2. С. 59-86.
147. Мыц В. Л. Новый позднеантичный памятник Караби-Яйлы // Проблемы античной культуры. Тез. докл. конф. Ч. III. Симферополь, 1988. С. 299, 300; он же. Позднеантичные памятники Алущинской долины // Скифия и Боспор. Материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 77-79.